

І

И С Т О Р І Я

РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

ДО КОНЦА XVII СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЪ I до Судебниковъ.

ВЛАСТЬ.

УСТРОЙСТВО.

КНЯЗЬ.

Норманскій періодъ.

Норманскимъ періодомъ мы называемъ время первыхъ русскихъ князей до введенія христіанства при Владимирѣ Св.

Лѣтописныя данныя о норманскихъ князьяхъ. Князья призваны для власти (володѣнія) и суда, т. е. князья, въ силу предоставленной имъ власти, должны были рѣшать возникавшіе междугражданскіе споры. Междугражданскіе споры, возникавшіе у нашихъ предковъ до призванія князей, были непримиримы и вели къ междоусобицамъ, что объясняется отсутствіемъ *наряда* т. е. власти, вводящей порядокъ и рѣшающей споры. Но такая власть установлена призваніемъ князей,—она вручена князю.—Власть, вводящая порядокъ и рѣшающая споры, непременно должна быть безусловно высшею, или *верховною*, въ томъ обществѣ, въ которомъ она дѣйствуетъ; такимъ образомъ, *призваннымъ князьямъ предоставлена верховная власть надъ призванными*, поскольку понятіе верховной власти было доступно и самимъ князьямъ того времени

и тому обществу, въ средѣ котораго этимъ князьямъ надлежало дѣйствовать.

Въ нашей Начальной лѣтописи находятся нѣкоторыя данныя относительно дѣятельности князей Норманскаго періода. Разсмотримъ эти лѣтописныя данныя.

Рюрикъ и его братья. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что призванные князья, Рюрикъ и его братья, Синеусъ и Труворъ, раздѣлили между собою племенные *волости* призвавшихъ: Рюрикъ *сталъ* въ волости славянъ Ильменскихъ или Новгородцевъ, занявъ Ладогу, Синеусъ — въ волости Веси, занявъ Бѣлоозеро, а Труворъ — въ волости Кривичей, занявъ Изборскъ. Синеусъ и Труворъ вскорѣ умерли; ихъ владѣнія перешли къ Рюрику, который съ этого времени и становится *единовластнымъ княземъ*. Ставъ единовластнымъ княземъ, Рюрикъ переселяется внизъ по Волхову, — на лѣвый берегъ этой рѣки, гдѣ напротивъ Новгорода строить крѣпость, и садится въ ней (Софійская сторона). Во всѣ другія мѣста своей волости Рюрикъ посылаетъ своихъ мужей, которымъ поручаетъ тамъ строеніе крѣпостей (городовъ). — Такъ дѣйствуетъ Рюрикъ по смерти братьевъ.

Въ Новгородѣ дѣйствія Рюрика возбуждаютъ неудовольствіе, которое выражается то возстаніемъ противъ князя¹⁾, то бѣгствомъ недовольныхъ изъ Новгорода.

Спрашивается, чѣмъ именно Рюрикъ возбудилъ неудовольствіе Новгородцевъ? — Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ, ибо лѣтописныя данныя о дѣятельности Рюрика скудны; но изъ извѣстныхъ намъ по лѣтописи дѣйствій Рюрика можно указать на такое, которое могло вызвать неудовольствіе Новгородцевъ.

Намъ извѣстны только два дѣйствія Рюрика: 1) переселеніе его изъ Ладоги къ Новгороду и 2) разсылка по другимъ мѣстамъ княжеской волости мужей.

Второе изъ этихъ дѣйствій не могло возбудить никакого неудовольствія вообще и въ Новгородѣ въ частности: это — необходимая правительственная мѣра (назначеніе *посадниковъ*), и при томъ мѣра эта не касалась Новгорода, куда перешелъ самъ князь. Совсѣмъ иное должно ска-

¹⁾ Свидѣтельство Никоновской лѣтописи о возстаніи Вадима.

зять о первомъ дѣйстви Рюрика,—о переселеніи его изъ Ладоги къ Новгороду. Въ этомъ дѣйстви Рюрика нельзя не обратить вниманія на то, что Рюрикъ сѣлъ не въ самомъ Новгородѣ, а близъ него. Князья обыкновенно садились въ самыхъ земскихъ *градахъ*, а не въ ихъ окрестностяхъ, и самъ Рюрикъ прежде сидѣлъ въ Ладогѣ, а не близъ нея, какъ и братья его сидѣли въ *градахъ*, а не около нихъ. Мы должны предположить какое-нибудь особое побужденіе, которое заставило Рюрика уклониться отъ переселенія въ самый Новгородъ. Какое же это побужденіе? — Очевидно, боязнь чего-то. Но чего бы могъ бояться Рюрикъ, если бы былъ увѣренъ, что его переселеніе не можетъ возбудить никакого неудовольствія среди Новгородцевъ? Напротивъ, если онъ имѣлъ основаніе думать, что его переселеніе непріятно Новгородскому обществу, то боязнь его вполне понятна: живя съ малою сравнительно дружиною среди многочисленнаго и враждебно настроеннаго кореннаго населенія, Рюрикъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ опасаться за будущее: и это опасеніе, какъ мы знаемъ, оправдалось на дѣлѣ, — въ Новгородѣ вспыхнуло возстаніе и вообще возникло противодѣйствіе князю. Такимъ образомъ, мы можемъ предположить, что неудовольствіе Новгородцевъ находится въ связи съ переселеніемъ Рюрика изъ Ладоги къ Новгороду ¹⁾.

Неудовольствіе Новгородцевъ не имѣло, однако, важныхъ для Рюрика послѣдствій: возстаніе было подавлено и недовольнымъ осталось одно—бѣгство. Неуспѣшность противодѣйствія Новгородцевъ князю можетъ и должна быть объяснена тѣмъ, что это противодѣйствіе было дѣломъ не всей Новгородской общины, а лишь нѣкоторыхъ Новгородцевъ. Можно и должно такъ сказать на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) Рюрикъ легко справился съ возстаніемъ: въ теченіе одного и того же года, судя по лѣтописи, возстаніе вспыхнуло и окончи-

¹⁾ Но почему именно Новгородцы могли быть недовольны этимъ переселеніемъ?—Говоря о новгородскомъ возстаніи, лѣтопись объясняетъ его опасеніемъ Новгородцевъ, что *Рюрикъ поработитъ ихъ*. Это показаніе лѣтописи станетъ намъ понятно, когда мы познакоимся съ дѣятельностью всѣхъ князей Норманскаго періода; тогда выяснится и отвѣтъ на вопросъ о причинахъ неудовольствія Новгородцевъ переселеніемъ Рюрика.

лось беспощадною казною предводителя и участников; едва ли Рюрикъ могъ бы такъ легко справиться съ возстаніемъ всего населенія; 2) единодушія въ данномъ случаѣ не могло быть, ибо общее возстаніе повело бы къ низверженію князя и возвратило бы Новгородское общество къ временамъ недавняго безнарядья и внѣшней безпомощности. Мы знаемъ, что въ послѣдствіи и при сравнительно-благопріятныхъ условіяхъ Новгородская община не любила оставаться безъ князя, и времена междукняжества отмѣчаются въ новгородскихъ лѣтописяхъ всегда, какъ времена тяжелыя для Новгорода ¹⁾; тѣмъ труднѣе было Новгороду оставаться безъ князя въ Рюриково время, — низверженный князь обратился бы во врага, а этотъ врагъ былъ тѣмъ опаснѣе, что онъ уже достаточно утвердился въ Новгородской землѣ для самозащиты, имѣя въ ней свои крѣпости. Повтореніе призванія изъ-за моря было невозможно, такъ какъ оно неминуемо повело бы также къ войнѣ съ Рюрикомъ. Все это предвидѣли и не могли не предвидѣть въ Новгородѣ, и болѣе благоразумные граждане, безъ сомнѣнія, не желали низверженія Рюрика. Вотъ причины отсутствія единодушія среди Новгородцевъ въ противодѣйствіи князю и неуспѣшности этого противодѣйствія.

Таковы лѣтописныя данныя о княженіи Рюрика и таковы возможные на основаніи этихъ данныхъ выводы о дѣятельности этого князя и объ отношеніи къ нему Новгородской общины.

Олегу. По смерти Рюрика княжеская власть перешла къ Олегу. Новый князь вскорѣ, собравъ войско, идетъ изъ Новгорода по изстаринному пути „изъ Варягъ въ Греки“ (Austurwigi) На этомъ пути Олегъ овладѣлъ Смоленскомъ и Любечемъ, *посадилъ* тамъ своихъ мужей и направился къ Кіеву. Дойдя до Кіева, Олегъ узналъ, что тамъ владѣютъ другіе Норманы, Аскольдъ и Диръ; онъ убиваетъ ихъ и *садится* въ Кіевѣ.

Нигдѣ не видно никакого сопротивленія захватамъ Олега; все обходится мирно: Олегъ „прія“ Смоленскъ и

¹⁾ Находясь въ Ладогѣ, Рюрикъ все-таки сидѣлъ въ Новгородской землѣ, а сообщеніе Новгорода съ Ладогою весьма удобно по Волхову.

Любечъ, „сѣде княжа въ Кіевѣ“; завоеваніе же выражается въ лѣтописи иными реченіями: „примучи“, „побѣди“.—Чѣмъ же можно объяснить эти мирные захваты? Возьмемъ для объясненія этого Кіевъ. Когда сѣверныя славянскія племена подчинились власти Варяговъ-Руссовъ, Кіевъ со всею окрестною страной платилъ дань Хазарамъ; власть Хазаръ мирно смѣнилась властью Аскольда и Дира. По смыслу лѣтописнаго разсказа о захватѣ Кіева этими норманскими витязями видно, что Кіевлянамъ было совершенно безразлично кому ни платить дань, а Хазары не могли воспротивиться такому захвату ужъ потому, что они не жили въ Кіевѣ; всѣ ихъ отношенія къ Кіеву ограничивались взиманіемъ дани. Съ другой стороны, принявъ къ себѣ Аскольда и Дира, Кіевляне получали естественныхъ защитниковъ отъ внѣшнихъ враговъ. Слѣдовательно, подчиненіе норманской дружинѣ было выгоднѣй для Кіевлянъ, чѣмъ подчиненіе Хазарамъ. Тѣ же условія дѣйствовали и при смѣнѣ Аскольда и Дира Олегомъ: власть Олега не была больше власти Хазаръ и Аскольдовыхъ Варяговъ, а внѣшняя безопасность при Олгѣ не могла быть меньше, чѣмъ при его предшественникахъ ¹⁾.

Оставшись княжить въ Кіевѣ, Олегъ начинаетъ отсюда распространять свою власть по всѣмъ окрестнымъ славянскимъ волостямъ: онъ *покоряетъ* Древлянъ, Сѣверянъ, *присоединяетъ* Радимичей; изъ Кіева же Олегъ опредѣляетъ количество дани съ сѣверныхъ славянскихъ племенъ, участвовавшихъ въ *призваніи*, въ томъ числѣ и съ Новгородцевъ.

Власть Олега (*волюднѣ*) ограничивается данью; дань является цѣлью и мирнаго захвата, присоединенія, и—завоеванія.

Кіевъ со своею округою и окрестныя, поднѣпровскія

¹⁾ Любечъ, какъ и вся Сѣверная земля, платилъ дань Хазарамъ; слѣдовательно, захватъ его Олегомъ во всемъ былъ подобенъ захвату Кіева Аскольдомъ и Диромъ. Что же касается Смоленска, то мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ завладѣлъ Олегъ этимъ городомъ; но мы имѣемъ полное право предположить, что потребность внѣшней безопасности въ Смоленскѣ не была слабѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Поднѣпровья, а это обстоятельство было во всякомъ случаѣ одною изъ причинъ мирнаго захвата этого города Олегомъ. При этомъ Смолянамъ было безразлично, кто будетъ ихъ защитникомъ отъ внѣшнихъ враговъ,—самъ ли князь, или *мужъ*, посаженный княземъ.

волости стали со времени Олега средоточіемъ норманства. Поэтому, Поднѣпровье съ Кіевомъ во главѣ называется съ этихъ поръ *Русскою землею, Русью*—въ отличіе отъ Новгородской волости. Съ теченіемъ времени и съ развитіемъ княжеской власти названіе Русской земли, Руси стало общимъ достояніемъ, какъ Кіева, такъ и Новгорода ¹⁾, хотя Поднѣпровье до позднѣйшаго времени носить это названіе преимущественно.

Послѣ переселенія Олега въ Поднѣпровье Новгородъ остался почти въ томъ же состояніи, въ какомъ онъ былъ до призванія князей: *безъ князя, но съ варяжскою данью*.—Дань эта дѣлилась на двѣ части: одну Новгородцы платили Олегу, а другую заморскимъ Варягамъ; послѣднимъ Новгородцы платили дань для того, чтобы удержать ихъ отъ нападенія на Новгородскую волость („мира дѣля“). Кіевская и варяжская дань съ Новгорода и, безъ сомнѣнія, съ другихъ союзныхъ съ Новгородомъ племенъ установлена Олегомъ изъ Поднѣпровья.—Изъ того, что Олегъ установилъ варяжскую дань для огражденія Новгородцевъ отъ нашествія изъ-за моря, видно, что Новгородъ совершенно оставленъ княземъ, что тамъ Олегъ не оставилъ никого изъ своихъ мужей, какъ то дѣлаетъ относительно славянскихъ городовъ, захваченныхъ имъ по пути къ Кіеву. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтопись ничего не говоритъ о княжихъ мужахъ въ Новгородѣ ни при Олгѣ, ни при его ближайшихъ преемникахъ; а это умолчаніе для насъ очень важно и убѣдительно въ виду того, что *посаженіе* мужей въ другихъ случаяхъ прямо упоминается въ лѣтописи, не смотря на краткость ея извѣстій о начальныхъ временахъ русскаго княженія.

Послѣднія дѣйствія Олега ограничиваются его отношеніями къ Византіи: устроившись въ Поднѣпровьѣ, распространивъ свою власть на славянскія племена и инородческія, союзныя съ Славянами, Олегъ съ своей дружиной и земскою помощью предпринялъ извѣстный походъ на Царьградъ и умеръ черезъ годъ послѣ заключенія съ Греками мирнаго договора, выгоднаго для Русской земли.

¹⁾ Лаврен. лѣт. подъ 1206 г.

Таковы свидѣтельства нашей Начальной лѣтописи о дѣятельности Олега. На основаніи этихъ свидѣтельствъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы о цѣляхъ этой дѣятельности: 1) по отношенію къ подвластнымъ племенамъ цѣлью Олега было взиманіе дани и земская помощь въ походѣ на Византію; 2) вслѣдствіе этого, во внутренней жизни подвластныхъ племенъ при Олегѣ не могло произойти никакихъ измѣненій; все оставалось по прежнему, какъ было до князей; 3) Ясно, что Олегъ не былъ *правителемъ*, государемъ въ нашемъ смыслѣ этого слова: онъ дѣйствовалъ не для земщины, а для себя; 4) Но Олегъ—норманъ, и его стремленія были норманскія: слѣдовательно, какъ норманъ, онъ переселился изъ Новгорода въ Кіевъ, потому что Кіевъ занималъ болѣе выгодное положеніе на завѣтномъ варяго-греческомъ пути. Это—общее норманское стремленіе къ Константинополю, для осуществленія котораго Олегъ обладалъ несравненно бѣльшими средствами, чѣмъ всякій иной норманскій конунгъ, не владѣвшій Царьградскою дорогою.

Игорь и Ольга. Дѣятельность Игоря ничѣмъ существенно не отличается отъ дѣятельности его предшественника: содержаніе этой дѣятельности исчерпывается походами то противъ Древлянъ, освободившихся по смерти Олега отъ власти Кіевского князя, то противъ Печенѣговъ, нападавшихъ на русскія владѣнія, походами на Византію и собираніемъ дани, при чемъ неумѣренность въ требованіи послѣдней стоила Игорю жизни.

По смерти Игоря супруга его, Ольга, сдѣлалась правительницей Русскаго княжества, которымъ она правила до возраста сына своего, Святослава. Въ дѣятельности Ольги также незамѣтно никакихъ особенностей, которыя отличали бы ее отъ дѣятельности предшественниковъ въ смыслѣ установленія государственнаго порядка. Первымъ дѣломъ Ольги была суровая месть Древлянамъ за убіеніе ими Игоря; исполнивъ эту семейную обязанность, Ольга налагаетъ на уцѣлѣвшихъ Древлянъ тяжкую дань и вся послѣдующая дѣятельность этой княгини-правительницы состоитъ главнымъ образомъ въ установленіи размѣра дани въ разныхъ мѣстахъ Славяно-русскаго княжества.

Святославъ. Преемникъ Игоря, Святославъ, представляетъ собою образецъ норманскаго витязя. Мы имѣемъ о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ лѣтописи, чѣмъ о его предшественникахъ, а потому и болѣе знакомы съ правомъ и свойствами этого князя. Святославъ жилъ исключительно ратью; Русская земля была для него только стоянкою и онъ мѣняетъ эту стоянку на далекій, чужой край, какъ только въ такой перемѣнѣ представился удобный случай.

Нѣкоторое время Святославъ, сдѣлавшись княземъ, еще медлитъ на Руси, — покоряетъ Вятичей, воюетъ Хазарь, а потомъ уходитъ въ Дунайскую Болгарію, покоряетъ ее своей власти и садится въ Переяславцѣ на Дунай. Подобно тому, какъ Олегъ бросилъ Новгородъ для Кіева, Святославъ бросаетъ Русскую землю и поселяется въ торговомъ, богатомъ болгарскомъ городѣ, называетъ этотъ городъ средоточіемъ своего владѣнія и заслуживаетъ упрекъ отъ Кіевлянъ за оставленіе *своей* земли. — Переселеніе Святослава на Дунай объясняется имъ самимъ, какъ стремленіе къ большей выгодѣ и къ богатой добычѣ. Переяславецъ во время Святослава былъ рынкомъ для всѣхъ окрестныхъ странъ, Греціи, Богеміи, Венгріи и Руси; помимо этого, Переяславецъ близко сосѣдитъ съ Византіей, и, находясь здѣсь, Святославъ былъ несравненно ближе своихъ предшественниковъ къ цѣли завѣтныхъ норманскихъ стремленій.

Таковъ Норманскій періодъ русской княжеской власти: въ это время князь-норманъ съ своею дружиною смотритъ на славянскую землю только какъ на доходную статью и какъ на ближайшій знакомый ему путь къ предѣламъ Византіи. Если мы взглянемъ назадъ, на время Рюрика, то легко поймемъ, что тогда еще, при этомъ первомъ князѣ, началось то движеніе по варяго-греческому пути, которое продолжалось при Олгѣ и закончилось при Святославѣ: Ладога, Новгородъ, Кіевъ и наконецъ Переяславецъ-Дунайскій — вотъ тѣ этапы, по которымъ шло и завершилось это столѣтнее движеніе нормано-русскихъ князей *вонъ изъ земли*. Доволенъ ли

былъ этимъ народъ? могъ ли онъ быть этимъ доволенъ? Безъ сомнѣнія,—нѣтъ. Народъ требовалъ отъ князя наряда и защиты, а князья-норманы не могли дать прочнаго наряда, такъ какъ для этого требуется знакомство съ земскими потребностями, вниманіе къ взглядамъ и стремленіямъ земскаго общества: но у князя-нормана своя цѣль, свое стремленіе, ничего общаго съ землею не имѣющія; что же касается до защиты, то и не она—главная забота князя: Олегъ эту заботу ограничиваетъ установленіемъ съ Новгородскаго сѣвера дани Варягамъ „мира дѣля“, а Святославъ, проживая на Дунаѣ, мало думалъ объ опасности стольнаго Кіева отъ нападенія степныхъ кочевниковъ, Печенѣговъ. Неудовольствіе народа ясно высказывается въ упрекъ его Святославу: „ты, княже, чужея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ“.

Стремленія одни и у Рюрика-предка, и у Святослава-потомка, и осуществленіе этихъ стремленій болѣе или менѣе невыгодно и непріятно земскому обществу, нарушая право общества на княжескую защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Въ виду этого, можно съ полнымъ вѣроятіемъ предположить, что и недовольство Новгородцевъ переселеніемъ Рюрика изъ Ладogi къ Новгороду проистекало изъ этого же источника. Въ самомъ дѣлѣ, Ладога крайняя сѣверная точка варяго-русскаго пути;—здѣсь норманы вступили на славянскую землю; отсюда шли въ Византію; отсюда нападали на окрестныя славянскія поселенія. Князь, обязанный охранять границы, долженъ былъ сидѣть въ этомъ, крайнемъ, наиболѣе опасномъ мѣстѣ и, переселяясь къ Новгороду, онъ поступилъ, какъ истый норманъ, и, какъ истый норманъ, пренебрегъ потребностью и пользами призвавшей его земли. Это, естественно, возбудило и не могло не возбудить неудовольствія среди Новгородскаго общества. Но Рюрикъ, однако, дальше Новгорода не пошелъ, очевидно потому, что онъ еще не чувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ въ Новгородской землѣ и, удалясь отъ нея, опасался потерять эту землю для себя и своего потомства; Новгородъ же богаче Ладogi, а для Рюрика, какъ и для его преемниковъ, только это и было надобно.

Сравнительно съ Ладогой Новгородъ для него былъ такимъ же средоточіемъ владѣнія, какъ для Святослава былъ Переяславецъ-Дунайскій.

Рюрикъ закрѣпляетъ свое положеніе въ Новгородской землѣ, безъ сомнѣнія, чисто-внѣшнимъ способомъ,—увеличеніемъ числа норманскихъ городовъ, крѣпостей, подъ прикрытіемъ которыхъ, вѣроятно, онъ дѣлаетъ и первое опредѣленіе дани. Лѣтопись, передавая извѣстіе о возмущеніи Новгородцевъ, говоритъ, что Новгородцы боялись порабощенія отъ Рюрика. Но можно ли принять это свидѣтельство лѣтописи въ его буквальный смыслъ? Могъ ли Рюрикъ съ малою сравнительно дружиной поработить многолюдное, сильное племя Славянъ Ильменскихъ!—Безъ всякаго сомнѣнія,—нѣтъ, и слова новгородскихъ соперниковъ князя слѣдуетъ поминать въ иномъ смыслѣ. Эти слова живо напоминаютъ сѣтованіе Древлянъ на Игоря за его корыстолюбіе и ненасытное требованіе дани: „повадится волкъ ходить въ стадо,—не уймется, пока не расхититъ всего“. Новгородъ, славный своимъ богатствомъ, разжигалъ страсть Рюрика къ добычѣ, заставлялъ его быть несатымъ въ запросахъ. Это, въ связи съ оставленіемъ Ладogi безъ личнаго призора, естественно возбудило негодованіе Новгородцевъ. Они видѣли, что князь заботится только о своей выгодѣ и корысти, готовъ обратить Новгородскую общину въ неоплатнаго должника и этимъ лишить ее свободы дѣйствій. Недоразумѣніе съ Новгородомъ окончилось благополучно для Рюрика, и онъ, укрѣпившись въ землѣ, установивъ свое владѣніе въ началѣ варяго-греческаго пути, открылъ тѣмъ возможность дальнѣйшаго движенія по тому же пути для своихъ потомковъ. Князья—потомки Рюрика подвигаются дальше, имѣя сзади себя свои дружинные поселки, княжескіе города и, очистивъ завѣтный путь отъ захватчиковъ-чужеродцевъ, укрѣпляются въ Поднѣпровьѣ, а потомъ идутъ еще дальше, и вотъ черезъ столѣтъ это движеніе доходитъ до своего крайняго предѣла: Святославъ почти у стѣнъ Константинополя. Дальше идти некуда. Движеніе поворачиваетъ назадъ и дальнѣйшая исторія идетъ снова отъ Новгорода. Сынъ Святослава, Владимиръ, дѣлается первымъ осѣдлымъ княземъ

на Руси. Овладѣвъ стольнымъ Кіевомъ, онъ не бросаетъ Новгорода и открываетъ собою длинный рядъ князей-нарядчиковъ, князей-страдальцевъ за Русскую землю.

Кіевскій періодъ.

Кіевскимъ періодомъ мы называемъ время отъ принятія христіанства до занятія Кіева войсками Андрея Юрьевича Боголюбскаго (1169 г.).

Междукняжескія отношенія: а) до кончины Ярослава I
и б) по его завѣщанію.

Размноженіе княжескаго рода въ Кіевскомъ періодѣ осложнило отношенія между отдѣльными членами этого рода: между великими и удѣльными князьями, равно какъ между старшими и младшими князьями въ удѣлахъ. Эти отношенія представляютъ собою основное явленіе княжеской исторіи въ Кіевское время: ими обосновано достиженіе тѣмъ или другимъ княземъ Кіевского великокняжескаго стола, — осуществленіе стремленія къ Кіеву, — общаго князьямъ этого времени. Изъ этихъ отношеній складывается и ими поддерживается положеніе великаго князя, и объясняется то измѣненіе, которое произошло въ положеніи великаго князя относительно удѣльныхъ. На этихъ же отношеніяхъ основывается судьба князей и всѣ отдѣльныя явленія княжеской исторіи. Наконецъ, междукняжескія отношенія, разсматриваемыя въ ихъ основаніяхъ и проявленіяхъ, опредѣляютъ и положеніе земщины относительно князей и направляютъ весь ходъ Русской исторіи удѣльно-вѣчеваго времени.

Такъ важно изученіе междукняжескихъ отношеній. Для этого изученія исторія Кіевскаго періода доставляетъ наиболѣе обильныя данныя, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ къ такому труду сложностью и значительною запутанностью междукняжескихъ отношеній. Но для лучшаго пониманія предмета, намъ необходимо начать изученіе его съ предшествующаго, Норманскаго времени: тамъ установились общія начала междукняжескихъ отношеній. Эти начала впервые въ Кіевское время опредѣленно выразились въ распоряженіи или завѣщаніи Ярослава I и перешли въ послѣдующую исторію, гдѣ потерпѣли съ теченіемъ времени извѣстные измѣненія.

Отношенія между князьями Норманскаго времени уясняются для насъ лишь по смерти Рюрика. Олегъ удерживаетъ за собою княжеское достоинство до своей смерти, а сынъ Рюрика, Игорь, *начинаетъ княжить* только по смерти Олега. Но Игорь достигъ совершеннаго возраста еще при жизни Олега, который княжилъ 34 года. Отсюда ясно, что Олегъ княжилъ не какъ опекунъ Игоря, а самостоятельно, т. е. на основаніи права наследованія, и лѣтопись свидѣтельствуетъ, что возмужавшій Игорь до смерти Олега находился подъ властью послѣдняго. Сдѣланное нами заключеніе о самостоятельномъ правѣ Олега на княжескую власть можетъ быть повѣрено сравненіемъ съ властью Ольги при Святославѣ. По смерти Игоря Святославъ остался малолѣтнимъ, какъ и самъ Игорь по смерти своего отца. Ольга получаетъ княжескую власть, но она пользуется этою властью только до возраста Святослава. Ясно, что Ольга княжила не самостоятельно, т. е. не на основаніи права наследованія, какъ Олегъ, а лишь въ качествѣ матери-опекуни малолѣтняго князя. Такимъ образомъ, Олегъ былъ наследникомъ Рюрика, а малолѣтній Игорь былъ наследникомъ Олега. Отсюда, мы имѣемъ полное право заключить, что княжеское наследованіе въ Норманское время не было семейнымъ (по отцѣ), а родовымъ: *наслѣдуетъ старшій въ родѣ*. На этотъ порядокъ княжескаго наследованія указываютъ и слова Олега Аскольду и Диру: „Вы не князья,—не изъ княжескаго рода, а я—княжескаго рода и вотъ сынъ Рюриковъ“. На княженіе въ Русской

землѣ имѣеть право только родъ князя Рюрика; Аскольдъ и Диръ, какъ не принадлежащіе къ русскому княжескому роду, не имѣли права княжить въ Кіевѣ: Кіевъ и въ племенномъ, и въ топографическомъ отношеніи тѣсно связанъ съ Новгородомъ и вообще съ сѣверо-славянскими племенами, которыя призывали Рюриковъ родъ и предоставили ему власть надъ собою. Обвиняя Аскольда и Дира въ необычномъ захватѣ Поднѣпровья и, стало-быть, въ нарушеніи права Рюрикова рода, Олегъ противопоставляетъ свое право безправію захватчиковъ. Эти захватчики княжатъ не по праву, такъ какъ они не принадлежатъ къ Рюрикову роду; Олегъ же принадлежитъ къ этому роду, слѣдовательно, онъ княжить по праву. Но, говоря о своемъ правѣ, Олегъ называетъ Игоря лишь Рюриковымъ сыномъ и этимъ указаніемъ на Игоря рѣшительно свидѣтельствуетъ о существованіи родового права въ столонпреемствѣ, какъ права, освященнаго преданіемъ и признаваемого безусловнымъ. Это право безусловно, конечно, и въ глазахъ Аскольда и Дира, а наличность сына Рюрикова отнимаетъ у нихъ всякую надежду на княженіе и по смерти Олега.

Святославъ дѣлитъ Русскую землю между своими тремя сыновьями, при чемъ старшему, Ярополку, даетъ Кіевское княженіе, также старшее, стольное; двумъ другимъ, Олегу и Владимиру, достаются—первому Древлянская, а второму Новгородская земля. То же по существу явленіе мы видимъ и по смерти Владимира. Кіевъ достается старшему Владимировичу, Святополку. Сходство явленій послѣ смерти Святослава и Владимира проявляется въ слѣдующихъ отношеніяхъ между наличными князьями въ то и другое время. Владимиръ Новгородскій достигаетъ Кіевского стола по смерти братьевъ. Ярославъ дѣлается Кіевскимъ княземъ тогда, когда достигаетъ старшинства между уцѣлѣвшими Владимировичами. Какъ тотъ и другой князь добились старшинства,—это пока для насъ неважно; важно же то, что обладаніе Кіевомъ тѣмъ или другимъ изъ наличныхъ князей выпадаетъ на долю старшаго изъ нихъ и безъ старѣйшинства не случается. Но старшій князь,—безусловно, каковы были почти все князья Норманскаго времени, или относи-

тельно, каковы были также почти все князья Киевскаго времени, — есть *великий князь*, а потому, старшинство и тѣсно связанное съ нимъ обладаніе Киевомъ составляли достояніе *великокняжеской власти*.

Право старшинства является, такимъ образомъ, основнымъ закономъ междукняжескихъ отношеній, какъ только на историческое поприще выступаютъ ~~одновременно~~ нѣсколько князей. Признаніе этого права, какъ основы отношеній, прямо высказывается самими князьями того времени, и если мы знаемъ объ Игорѣ, что онъ былъ подъ властью Олега, какъ былъ бы подъ властью своего отца, до смерти послѣдняго, то въ началѣ настоящаго періода слышимъ несомнѣнно искреннія слова св. Бориса по отношенію къ вѣроломному Святополку: „не подниму руки на старшаго брата, — если отецъ мой умеръ, то онъ да будетъ мнѣ вмѣсто отца“. То же признаніе, — искренно или нѣтъ, высказываетъ при Ярославѣ отважный, непобѣдимый братъ этого великаго князя, Мстиславъ Удалой Тмутараканскій. Разбивъ Ярослава въ битвѣ подъ Лиственомъ, Мстиславъ уступаетъ, однако, Киевъ побѣжденному брату, какъ старшему, а себѣ беретъ Сѣверскую землю (дѣленіе по Днѣпръ) и ни разу во всю свою послѣдующую жизнь не покушался на власть старшаго брата.

Таковы, по лѣтописи, междукняжескія отношенія до Ярослава I включительно; они основывались на слѣдующихъ началахъ: 1) великимъ княземъ считается старшій въ княжескомъ родѣ; 2) великому князю принадлежитъ и обладаніе Киевомъ, стольнымъ городомъ всей Русской земли.

Съ размноженіемъ княжескаго рода осложняются и междукняжескія отношенія. Это произошло главнымъ образомъ по смерти Ярослава; тогда на Руси началось многокняжіе и не прекращается оно вплоть до XV—XVI в., — до объединенія всей земли подъ властью Московскаго великаго князя (царя).

Начала отношеній между князьями подробно устанавливаются въ завѣщаніи Ярослава. — Посмотримъ, что это за начала, какъ они относятся къ вышеуказаннымъ древнимъ началамъ и какъ они осуществлялись въ жизни князей Киевской Руси.